УДК 81-119

DOI 10.17516/2311-3499-069

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА НА СТРАНИЦАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.А. Бернацкая

Цель публикации – наметить специфику дискурса информационно-психологической войны на материале художественной литературы. В результате последовательной интерпретации ключевых понятий как базы лингвофилософского аспекта исследования делается заключение, что информационно-психологическая война как социо-и лингвокультурное явление отвечает всем признакам и категориям дискурса. Объект нашего исследования ограничен реализацией подтипа ИПВ, доминантным, специфицирующим признаком которого являются материал / объект исследования (сочетание эстетической функции с рядом социальных) и содержательно-смысловая гетерогенность текста как условие потенциальной возможности реализации в нём любых дискурсов. Ставится вопрос о научных и этических *pro* и *contra* исследования художественного произведения с позиции ИПВ. Делается вывод о целесообразности введения фактора «градус противостояния» / противостояния / борьбы и, соответственно, исследования художественного текста на предмет наличия отдельных симптомов / признаков ИПВ. Формулируются условия и критерии их установления в конкретных практиках. В табличной форме представлены мишени ИПВ в исследованных ранее автором статьи дискурсивных практиках. В заключение суммированы критерии отбора художественных текстов в аспекте ИПВ и критерии отличия симптомов ИПВ от социальной критики.

Ключевые слова и фразы: дискурс; дискурсивная практика; личностная дискурсивная практика; *pro* и *contra* исследования художественного произведения с позиции информационно-психологической войны; «градус противостояния»; симптомы информационно-психологической войны; мишени информационно-психологической войны; критерии отличия симптомов информационно-психологической войны от социальной критики.

INFORMATION PSYCHOLOGICAL WAR AS DISCURSIVE PRACTICE ON THE PAGES OF FICTION

A.A. Bernatskaya

The purpose of the article is to outline the specifics of the discourse of information psychological war on the material of fiction. As a result of consistent interpretation of the key concepts as the basis of the linguo-philosophical aspect of the study, it is concluded that information psychological war as a socio- and linguo-cultural phenomenon responds to all the features and categories of discourse. The object of this research consists in the implementation of the information psychological war subtype, the dominant attribute of which is the material / object of study (a combination of aesthetic function with a number of social ones) and the content heterogeneity of the text as a condition for the potential realization of any discourses in it. The author raises an issue about the scientific and ethical *pro* and *contra* of the research of fiction from the information psychological war perspective. The conclusion is made about the necessity of introducing the factor of “degree” of confrontation / struggle and, accordingly, the study of the fiction for the individual symptoms / features of information psychological war. The conditions and criteria for their establishment in specific practices are formulated. The article presents the targets of information psychological war in the discursive

practices studied earlier by the author. In conclusion, the criteria for the selection of fiction texts in the aspect of information psychological war and the criteria for distinguishing information psychological war symptoms from social criticism are summarized.

Keywords and phrases: *discourse; discursive practice; personal discursive practice; pro and contra of the research of fiction from the information psychological war perspective; “degree of confrontation”; information psychological war symptoms; information psychological war targets; criteria for distinguishing information psychological war symptoms from social criticism.*

В заголовке статьи три ключевых термина, составляющих научную специфичность излагаемого исследования: информационно-психологическая война (далее ИПВ), дискурс, дискурсивная практика. Сложность их интерпретации в контексте нашей постановки вопроса в том, что, с одной стороны, они неразрывно связаны, и, с другой стороны, ни одно из них ещё не получило однозначной трактовки. Тем не менее, соотношение этих ключевых понятий может дать представление о месте наших исследований в современной философии языка. Предварительно, в качестве исходного понятия, ограничимся дефиницией первого А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной: «<...>информационно-психологическая война – этопротивоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересови/или идеологий и осуществляется путём намеренного, прежде всего, языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика ... 2017: 13].

Термин «дискурс», по свидетельству В.З. Демьянкова, заимствован у американского структуралиста З. Харриса, который использовал «анализ дискурса – метод анализа связанной речи или письма». Метод формальный, ориентированный навстречаемость морфем, но в нём усматривалась идея поисков закономерностей текстообразования [Демьянков 1995: 280–282]. Дискурсология вформально-календарном плане достаточно давно присутствует в научно-теоретическом пространстве, хотя в силу своей чрезвычайной сложности и вместе с тем востребованности далека от даже относительной стабильности в понимании ключевых понятий. «Доля дискурсивно (дискурсно) ориентированных работ в общей массе печатной продукции настолько велика, что специалисты начинают говорить о “дискурсивном перевороте”, хотя, по нашему мнению, здесь уместнее будет метафора “дискурсивный бум”», – резюмирует А.Н. Приходько и продолжает, усматривая в этом немалую опасность: «Вот и выходит, что сами лингвисты в своей обсервации дискурса пребывают в разных системах координат, толкуя объект рефлексии настолько по-разному, что он, ещё не окрепши, уже оказался на грани эрозии, рискуя потерять свой понятийный и терминологический статус» [Приходько 2009: 22].

Сегодня анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания. Теория дискурса развивается в социологии, лингвистике текста, психолингвистике, семиотике, риторике. Формирование более или менее чёткой картины, очевидно, дело неблизкого будущего. В силу этих обстоятельств каждый исследователь, поставленный перед необходимостью обращения к этому феномену, вынужден определить свою позицию, избрав из существующих концепций в большей степени отвечающие специфике его проблемы, объекта / предмета, материала и задач исследования. В качестве исходного методологического тезиса принимается положение об использовании языка «как общественной практики, которая участвует в формировании социального мира. <...> Данный подход сформировался в конце прошлого века в рамках социального конструкционизма и отражает теоретическое понимание процессов коммуникации...» [Иссерс 2015: 11]. «Дискурс является центральным моментом человеческой жизни “в языке”, то, что Б.М. Гаспаров (1996) называет языковым существованием» [Прохоров 2004: 23]. В многочисленных работах по историографии такого понимания философии языка отдаётся должное вкладу В. фон Гумбольдта (язык как мировидение), философов-аналитиков,

прежде всего, Л. Витгенштейна (язык как форма жизни) и его последователей (теория речевых актов). Отмечается наличие в современной лингвистике нескольких подходов к исследованию дискурса, в том числе: интегративный, идеологический, интерпретативно-идеологический, драматургический, генеративно-тематический [Детинко 2017: 18–19]. В нашем случае предпочтение отдаётся интерпретативно-идеологическому. Из новейших работ по теории дискурса выделяется фундаментальный аналитический обзор Константина Пахалюка. В нём скрупулёзно, логично и последовательно прослежена и критически проанализирована история терминопонятия в разных научных областях – от Р. Декарта и И. Канта до М. Хайдеггера, Т. ван Дейка, М. Фуко и Н. Фэрклоу. Выдвинуты и интерпретированы шесть истоков, или «интеллектуальных традиций» как путей формирования понятия дискурса: аналитическая философия; история формирования концепта «национальная картина мира»; литературоведческая школа русского формализма; структуралистская парадигма в языкознании; семиотика; феноменология [Пахалюк 2018].

В наиболее адекватных нашим представлениям определениях дискурса присутствуют две составляющие: рефлексия человека на некий факт действительности и вербализация рефлексии как процесс и результат. Одни дефиниции начинаются с «явления» / «феномена» / «события» / «процесса», другие с «речи» / «текста» / «рассуждения». Первые исходят из импульса, порождающего вербальную реакцию, другие из следствия, результата, ретроспективно указывая на «историю» порождения речевой единицы. Нам ближе первые: «Феномен “дискурс” целесообразно понимать как многомерное социо- и лингвокультурное явление, в пределах которого осуществляется вербальная коммуникация в определённой предметно-тематической сфере» [Приходько 2009: 23]; «Дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некой формальной конструкции – текста» [Чернявская 2006: 75].

Принципиально важно положение о том, что «один дискурс может конституироваться текстами различных типов и, с другой стороны, тексты одного типа могут выступать элементами различных специальных дискурсов» [Чернявская 2006: 76], иными словами, в одном случае перед исследователем стоит задача определить, репрезентацией какого дискурса служит текст, в другом – какими типами текстов репрезентируется определённый дискурс, т.е. определить его дискурсивное поле. Конкретный текст как репрезентация определённого дискурса, как его подвластная конкретному наблюдению и анализу единица, называется **дискурсивной практикой**. Это чисто операциональное определение нашло выражение в названии и содержании публикации О.С. Иссерс [Иссерс 2011]. В теоретическом плане соотношение понятий дискурса и дискурсивной практики представляется нам аналогичным отношению между философскими категориями сущности и явления или, в хронологически-процессуальном плане, между общенаучными методами дедукции и индукции. В принципе такое понимание выражает А.Я. Сарна, утверждая, что «нет и не может быть Дискурса как такового, подобно тому, как нет и быть не может самого Языка), но есть и реально действуют самые различные дискурсивные практики, т.е. осуществляется речевая деятельность» [Социология: Энциклопедия. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/306].

Принципиально важно при анализе текста как вербализатора того или иного дискурса, в частности, ИПВ на страницах художественного произведения, помнить, что дискурсивная практика – органическая часть социальной практики. «С точки зрения когнитивного взгляда, – отмечает Л.В. Куликова, солидаризуясь с А.Н. Барановым и А.П. Чудиновым, – дискурсивная практика характеризуется как способ осмысления и интерпретации социальной жизни» [Дискурсивные ... 2015: 6]. Практическое введение феномена «дискурс» в исследовательское пространство, в нашем случае, лингвистики, невозможно без представления о его онтологических свойствах, признаках. Это необходимо, чтобы понимать, каким образом язык служит способом упорядочения реальности, как он соотносён с недискретностью реальной действительности. В.И. Карасик называет три группы важнейших **дискурсивных характеристик**:

прагмативистические; социолингвистические; тематические [Карасик 2007: 353–411]. К. Пахалюк говорит о трёх **онтологических свойствах** дискурса, называя их измерениями: **коммуникативном** (дискурс как посредник между миром действительности и миром языка: речь идёт о традиционной коммуникативной ситуации, определяющей характер вербализации смысла); **семиотическом** (дискурс как пространство создания и воспроизводства значения) и **когнитивном** (моделирование психических процессов коммуникантов, структурирование социального опыта с использованием фреймов, схем, планов, прототипов, сценариев; конструирование картин мира). В терминах теории когнитивной метафоры можно говорить о трех метафорических структурах: дискурс как посредник (коммуникативное измерение), дискурс как пространство (семиотическое) и дискурс как глубина (когнитивное) [Пахалюк 2018]. А.Н. Приходько называет следующие **свойства дискурса**: антропоцентричность, недискретность (интегративность коммуникативного и когнитивного), ситуативность (контекстуальность), процессуальность (динамичность), присовокупляя к ним континуальность, открытость, цикличность и амбивалентность, маркирующие незавершённость коммуникативного события. Континуальность, недискретность и динамичность противопоставляют дискурс тексту с его признаками завершённости, дискретности, статичности. «Иначе говоря, – заключает автор, – дискурс не имеет пространственно-временных границ <...>. Дискурс не имеет ни начала, ни конца, а потому невозможно определить, когда и где закончился один дискурс и начался другой. Дискурс, будучи одновременно и потенцией, и реализацией, суть явление амбивалентное, т.е. аморфное, неопределённое, нечётко очерченное в своих границах. И в этой своей ипостаси, – продолжает автор, – дискурс ненасытен: сколько бы ни существовало в его анналах “единиц хранения”, он готов принимать “на постой” всё новые и новые тексты. Как и любое другое лингвокультурное явление, – заключает автор, – дискурс можно интерпретировать в пределах **трёх уровней репрезентации** – собственно-языкового (форма), социокультурного (содержание) и коммуникативно-прагматического (функция)» [Приходько 2009: 22–23]. Думается, следует внести одно уточнение: бесконечная возможность реализации того или иного дискурса не исключает, что онтология дискурсов предполагает наличие пространственно-временных, пусть и относительных, границ, как правило, зафиксированных как исторические факты (например, появление дискурсов (тематической области) искусственного интеллекта или исследования космоса, альтернативной истории, лингвоэкологии и т.д., или, в нашем случае, дискурсов информационной и информационно-психологической войны).

Обобщая существующие наработки, О.С. Иссерс с позиции коммуникативного подхода в структуре дискурса выделяет ряд **категорий**, значимых для определения типа дискурса и его описания: участники общения (субъекты коммуникации) с позиций их статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных характеристик; условия общения (пресуппозиция, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); организация общения (мотивы, цели и стратегии, развёртывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств); способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр). По сути, заключает автор, это структура речевого акта. Опираясь на собственный опыт исследования новых дискурсов, она называет ещё восемь аспектов их описания, действительно новыми, точнее, ранее недостаточно эксплицитно сформулированными из которых нам представляются три: лингвокогнитивные структуры (фреймы, сценарии, метафорические модели, базовые концепты); жанровые особенности (уточним: текста. – А. Б.); языковые маркеры [Иссерс 2015: 38–40]. А свойства интеркодировости и интердискурсивности имеют факультативный характер.

Нельзя не согласиться с мнением философа П.К. Гречко, что «важным содержательно-терминологическим измерением дискурса является движение от понятия к концепту. <...> Вернее, это даже не движение, а форма углубления понятия в своё собственное содержание, в динамизм мира своего исторического существования, в сетевые отношения своей контекстуальности и интертекстуальности, в онтологическую негарантированность и свободную неопределённость человеческого бытия. <...> Содержательные контуры концептов размыты, а граница между

текстом и контекстом в них просматривается лишь пунктирно. Иначе говоря, содержание концепта определяется не столько его предметно-онтологическим референтом, как в случае с понятием, сколько теми отношениями (к другим концептам и их возможным референтам), в которые он сетевым образом погружён» [Гречко 2015: 50–65]. Положения философа созвучны концепции академика Н.Ю. Шведовой: «Концепт есть исторически сложившаяся словесно выраженная понятийно-языковая целостность, определённо относящаяся к одной из основополагающих сфер существования человека, средствами языка всесторонне осмысленная, социально и субъективно оцениваемая... Как явствует из приведённого определения, – продолжает автор, – концепт существует не сам по себе, а в своём собственном языковом окружении: он как основная и элементарная понятийная данность (основной, или “великий”, “ключевой” концепт) окружён семантическими единицами, обращёнными к тому же понятию, но дополняющими, «расцвечивающими» его семантически, стилистически или хронологически и образующими его ближайшее и необходимое поле; это – малые концепты, та живая среда, в которой основной концепт является её организующим, к себе притягивающим центром» [Русский...2011: 345–358]. Принципиально новым, смелым прорывом в области концептологии стал воплощённый в созданном под руководством выдающегося отечественного лингвиста идеографическом словаре опыт упорядочения понятийно связанных единиц в **смысловую парадигму** [Русский...2011. Раздел VI].

Совершенно очевидно, что информационно-психологическая война как социо- и лингвокультурное явление, реализуясь в речевых единствах когнитивно-коммуникативного плана, отвечает всем названным признакам и категориям дискурса автономного типа. Мы исходим из того, что 1) смысловое содержание объекта исследования имеет социальный характер; 2) основным орудием ИПВ является **информация**, особым образом препарированная в количественном и качественном аспектах, структурированная и квантированная / дозированная в расчёте на максимально эффективное воздействие на сознание / психику / мировосприятие адресата – реципиента воздействия; 3) основным **инструментом** её (информации) передачи адресату (индивидуальному или коллективному, реальному или гипотетически-потенциальному), несомненно, является **язык**; специфика **технологии** ведения ИПВ находит выражение в категориях стратегий и тактик; 4) основными носителями / «собирателями» смыслов служат **концепты**, выявляемые через анализ контекстуальной определённости лексических значений, роль морфологических, словообразовательных и синтаксических средств, специфических риторических и стилистических фигур и приёмов, прежде всего, эпитетов и метафор; 5) в зависимости от обстоятельств (коммуникативной ситуации), интенций, специфики участников коммуникации (в социально-статусном, профессиональном, возрастном, гендерном плане) используются разные **каналы / способы актуализации информации с участием разных семиотических систем** (устные, письменные, моносемиотические или креолизованные тексты разной функционально-семантической принадлежности в пространстве СМИ, включая Интернет, тексты художественной и нехудожественной литературы, агитационно-пропагандистской продукции); 6) целью / конечной интенцией информационно-психологического воздействия актора / субъекта на реципиента является коррекция отдельных фрагментов модели / картины мира адресата.

Безусловно права Т.А. Ширяева, подчеркнувшая мысль, что, «исследуя дискурс, лингвистика вовсе не уходит от своего главного объекта – языка. В образе дискурса язык повернулся к лингвисту своей необычайно сложной социальной стороной, что требует поиска новых подходов и методов... Для современного гуманитарного мышления характерно повышенное внимание к роли языка в формировании социокультурного семиотического компонента общественного сознания и в межкультурном социальном взаимодействии, что влечёт за собой и соответствующее расширение сферы лингвистических исследований» [Ширяева 2009: 65]. О.С. Иссерс отмечает, что за последнее десятилетие центр тяжести в изучении феномена перенесён на исследование

«языкового измерения» дискурсов с учётом не только лингвистических единиц разных уровней, но и жанровых, коммуникативных, когнитивно-прагматических характеристик, типичных для практики использования языка в социальном контексте. В сферу внимания вводятся всё новые дискурсы и их речевые реализации [Иссерс 2015: 29]. Значимой инновацией в современном языкознании стало формирование в современном языкознании направления, «объектом изучения которого является специфика использования языка как средства ведения информационно-психологических войн» [Лингвистика ... 2017: 16].

Объект нашего исследования ограничен реализацией дискурса ИПВ в функциональном стиле современной художественной литературы. Следовательно, речь идёт о подтипе ИПВ, доминантным, специфицирующим признаком которого является материал / объект исследования. Художественное (словесное) творчество – специфический тип социальной деятельности, совмещающий основную эстетическую функцию с рядом социальных функций. Другая специфика этого функционального стиля – в его содержательно-смысловой гетерогенности. В силу гетерогенности художественного стиля художественный текст представляет собой системно-структурное образование, в котором, в зависимости от тематики, затрагиваемых проблем, авторского видения мира в разных сферах бытия и разных авторских интенций могут в разной степени актуализироваться признаки самых разных дискурсов. Заметим, что не вызывает поддержки компромиссное решение А.Н. Приходько соотносить с художественным текстом понятия и функционального стиля, и художественного дискурса. Ведь нет «художественного дискурса» как предметно-тематического единства. В этом вопросе предпочтительнее видится позиция ряда отечественных лингвистов: понятия функциональных стилей и дискурсов разновеликие. Количество первых ограничено типами сознания, а второе гораздо шире, бесконечно в качественном (тематическом) и количественном многообразии [Гаспарян 2014; Пищальникова 2008; Чернявская 2014]. Не останавливаясь на чрезвычайно сложной проблеме типологизации и дискурсов, и дискурсивных практик, отметим, что объектом каждого отдельного исследования в нашем аспекте является **личностная дискурсивная практика**, реализуемая тем или иным автором, например, Д.Л. Быковым, Е.Г. Водолазкиным, Е.В. Улицкой. При иной постановке вопроса это могут быть исследования, направленные на сопоставительный анализ реализации ИПВ в произведениях разных авторов относительно каких-то категорий или показателей, например, одной определённой мишени или совокупности мишеней, по степени интенсивности или по системе языковых способов выражения ИПВ.

В наших предыдущих публикациях приводились аргументы pro и contra включения художественных текстов определённого типа в дискурсивное поле ИПВ, иначе говоря, выделения подтипа дискурса ИПВ. Наиболее весомый аргумент contra – сомнение в обоснованности приложения термина «война» к художественному тексту. Субъект воздействия, адресант формально носит неинституциональный характер, хотя может быть, осознанно или не осознанно, рупором идеологии какого-то сообщества. Круг потенциальных адресатов-читателей не ограничен ни временем, ни пространством, ни профессиональными, гендерными либо другими факторами. Гипотетически любой грамотный человек в любом временном отрезке после публикации произведения может стать участником коммуникативного контакта с текстом. Таким образом, признак дистантности коммуникативного контакта не имеет предела. Уже это обстоятельство не коррелирует с представлением о войне. Соответственно, ситуация в момент коммуникативного акта непредсказуема, как непредсказуем характер и масштаб психологического воздействия. Коротко говоря, неизвестно, когда, где, какой индивид, с каким жизненным багажом, сколько индивидов, в какой ситуации станут реципиентами авторского текста. Это противоречит представлению о войне, но отнюдь не исключает факт психологического воздействия художественного текста на получателя информации. Для решения дилеммы обратимся к интерпретации понятия «информационно-психологическая война».

В цитируемом в начале статьи определении понятия ИПВ ключевое слово – *противоборство* с производящей основой *борьба*. А.Д. Васильев, с опорой на определение феномена «информационная война» в «Словаре новейшей социологической лексики» С.А Кравченко (2011), пишет: «Информационная война является в настоящее время самым перспективным способом “продолжения политики иными средствами”. Информационную войну правомерно трактовать как *составляющую часть информационной борьбы* (выделено нами. – А.Б.). В свою очередь, особенность информационной борьбы заключается в том, что она ведётся постоянно – и в мирное, и в военное время» [Васильев, Подсохин 2016: 11]. Это определение наводит на мысль, что в понятийном поле информационно-психологической войны следует учитывать категорию / фактор интенсивности: **«градус» противоборства / противостояния / борьбы**. Война как таковая, материальная или информационная – радикальный, высший градус ведения борьбы. Он явно неприложим к художественному тексту. Думается, что в отношении художественной литературы метафору «война» следует понимать как ещё более условную и исследовать на предмет наличия **отдельных симптомов / признаков ИПВ**. Но каждую конкретную, личностную дискурсивную практику в рамках ИПВ, очевидно, допустимо трактовать как информационную, или семантическую, или **информационно-психологическую атаку** [Коцюбинская 2016: 77–81]. Масштаб психологического воздействия от «вброса информации» в составе художественного текста не сравним с эффектом от вброса в СМИ и, тем более, от удачного использования этой тактики в контексте военной акции [Информационная. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>]. Из истории литературы известен международный резонанс на «Страдания юного Вертера» интеллигентной молодёжи конца XVIII века («синдром Вертера»: волна самоубийств, в том числе в России). В недавней российской истории о драматурге А.И. Гельмане говорили, что он сделал для перестройки больше, чем диссиденты, называли его одним из «прорабов» перестройки [Гельман. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/tag/Гельман>]. Показательна роль писателей, художников в организации и успехах агитационно-пропагандистской работы в годы Великой Отечественной войны. Помимо военно-политической пропаганды была также литературная: в группу, которую создали специально для ведения пропаганды и освещения боевой жизни советских солдат, были включены такие известные писатели, как К.М. Симонов, Н.А. Тихонов, А.Н. Толстой, А.А. Фадеев, К.А. Федин, М.А. Шолохов, И.Г. Эренбург и многие другие. С ними также сотрудничали немецкие литераторы-антифашисты [Как работала URL: <https://russian7.ru/post/kak-rabotala-sovetskaya-propaganda-v-g/>].

Родоначальники лингвистики информационно-психологической войны, А.П. Сковородников и Г.А. Копнина, настоятельно предупреждают исследователей о необходимости выявлять и аргументировать критерии принадлежности конкретного речевого образования разной природы к дискурсу ИПВ [Лингвистика ... 2017: 16]. Первым шагом в выявлении критериев следует признать специфику **канала** ведения / проявления ИПВ. В настоящее время областями, сферами реализации дискурса ИПВ признаются, прежде всего, публицистическая речь, а также рекламные, дипломатические и даже художественные тексты [Сковородников 2016: 42]. Можно с осторожностью предположить, что и в жанрах научного дискурса могут обнаружиться коммуникативные стратегии и тактики, присущие ИПВ. Приблизена к таковым технология выдвижения профессором А.Т. Кривоносовым собственных позиций на фоне агрессивно-критической трактовки иных позиций в истории языкознания [Бернацкая 2013: 1–11]. Названные и другие сферы / области: кино, театр, музыкальное и изобразительное творчество суть **каналы** ведения и проявления ИПВ. Очевидно, признаки ИПВ могут присутствовать и в любом другом роде литературы: учебной, научно-популярной. Внутри каждого канала используются разные подтипы дискурса ИПВ, реализующиеся в специфических дискурсивных практиках.

Непременные **условия**, предопределяющие потенциально возможное присутствие дискурсивной практики ИПВ в художественном тексте – современность проблематики произведения, эксплицитно или имплицитно выраженная гражданская позиция автора,

общественно значимая проблематика произведения. Показателями служит лексика, маркирующая мишени психологического воздействия на сознание реципиента-читателя. Основным критерий наличия в тексте дискурсивной практики ИПВ – специфическая тональность, создаваемая общим негативным вектором оценочности, воплощённым во всех видах и формах реализации субъективной модальности. Последнее плохо согласуется с эстетикой художественного текста. Объяснением служит поворот в идеологии художественной литературы, получивший символическое наименование в терминопонятии «кризис литературоцентризма» и основательно рассмотренный в одноимённой коллективной монографии. «Литературоцентризм как убеждение в особом статусе литературы, её определяющем влиянии на все сферы бытия человека считается отличительной чертой отечественной культуры» [Кризис ... 2014: 69]. В работах по истории литературы русская классика трактовалась «как синоним духовности, нравственности и русскости», её роль «в формировании личности, её ценностных убеждений неизмерима»; она «очевидным образом участвует в создании коллективной (национальной) идентичности» [Там же: 97]. В советскую эпоху «былые функции литературы оказались узурпированы идеологией» [Там же: 12] и «ценность книги связывалась с воздействием на сознание читателя – для воплощения идеологических проектов» [Там же: 25]. В 1990-е годы «литература теряет способность быть главным медиумом идеологии» [Там же: 35]. Вместо борьбы за идеалы, за духовное воспитание читателя – «желание бороться, к примеру, за литературные премии, за признание литературного цеха» [Там же: 158]. Добавим: вместо того, чтобы быть проводником в мир истин в эпоху ценностной дезориентации, современная литература усугубляет её, поддерживая пессимизм, неверие в лучшие перспективы на будущее, способствуя утрате социальной и национальной идентичности. В погоне за сенсационностью, за лёгким успехом писатели зачастую занимают псевдолиберальную позицию, выливающуюся в очернительство прошлого и настоящего страны. Так, литературные критики Анна и Константин Смородины крайне негативно оценивают художественный метод модного нынче писателя Виктора Ерофеева, подкрепляя свои выводы мнением преподавателей и профессоров университета им. М.В. Ломоносова, в коллективном письме отозвавшихся о его романе с претенциозным названием «Энциклопедия русской души» (2005) как о русофобском и экстремистском: *Считаем, что сочинение В. Ерофеева возбуждает межнациональную рознь и русофобию, активно способствует распространению негативного отношения к русским среди других народов*. Рассуждая о том, стоит ли придавать значение одному крайне неудачному произведению, литературоведы заключают: <...> *Всё так, но беда нашего времени в том, что Ерофеев – медийная фигура и сидит в «ящике», представляя перед не повинными зрителями в качестве русского писателя и вообще образованного человека* (Москва. 2010. № 5. С. 189–196). В аналогичном оценочном ключе звучит позиция писателя, главного редактора журнала «Юность», заместителя председателя Государственной Думы РФ С.А. Шаргунова: <...> *Надеюсь, что в России возникнет национальная интеллигенция, что в просвещённой стране станет неловко плевать в родную страну <...>. Так у нас повелось <...>. В результате оппозиция власти (что нормально) превращается в оппозицию стране (что патологично). <...> У нашей либеральной стороны русские всегда плохие, всегда виноваты* (АиФ. № 20. 2019). Литературный критик А. Чанцев подметил ещё одну крайне губительную для нравственного здоровья общества черту произведений современной литературной элиты: <...> *ни в одной из этих книг не даётся хоть сколько-нибудь явного проекта положительного будущего* (цит. по [Новикова 2018: 51]). Свидетельство видных литературоведов и литературных критиков о нравственной деградации современной отечественной литературы служит автору настоящего исследования косвенным признанием хотя бы допустимости анализа ряда произведений в рамках лингвистики ИПВ.

Яркой иллюстрацией произошедшей литературной трансформации может служить обращение к одному из произведений эпохи литературоцентризма – роману почвенника и государственника, представителя «деревенской прозы» – А.С. Иванова «Вечный зов» (1970–1976).

Писатель оказался провидцем грядущей психологической войны объединённых внешних и внутренних врагов за покорение народа, победившего в самой чудовищной по масштабам человеческих и материальных потерь в истории человечества войне, но уже не посредством физического истребления, а путём последовательной обработки сознания людей. Приведём большой фрагмент с купюрами из второй книги романа, выделяя важнейшие моменты. Это, по существу, монолог А.М. Лахновского, идейного противника советской власти. В разговоре с бывшим соратником, в надежде на будущее сотрудничество, он намечает стратегию и тактику будущей победоносной психологической войны против российского народа: <...> *В этом веке нам уже не победить. Нынешнее поколение людей в России слишком фанатичное. До оголтелости. <...> Значит, надо действовать нам другим путём. <...> Будем вырывать эти духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать главные основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, выветривать этот ленинский фанатизм. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её! <...> Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов! <...>. Вся пресса остального мира, все идеологические средства фактически в нашем распоряжении. <...> – Окончится война – всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, чем располагаем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить! <...> – Мы найдём своих единомышленников... своих союзников и помощников в самой России! <...> Мы их воспитаем! Мы их наделаем столько, сколько надо! И вот тогда, вот потом... со всех сторон – снаружи и изнутри – мы приступим к разложению... сейчас, конечно, монолитного, как любят повторять ваши правители, общества. Мы, как черви, разедем этот монолит, продырявим его. <...> – Общими силами мы низведём все ваши исторические авторитеты, ваших философов, учёных, писателей, художников – всех духовных и нравственных идолов, которыми когда-то гордился народ, которым поклонялся, до примитива, как учил, как это умел делать Троцкий. Льва Толстого он, например, задолго до революции называл в своих статьях зашкваренной каменной глыбой. <...> – Всю историю России, историю народа, мы будем трактовать как бездуховную, как царство сплошного мракобесия и реакции. Постепенно, шаг за шагом, мы вытравим историческую память у всех людей. А с народом, лишённым такой памяти, можно делать что угодно. Народ, переставший гордиться своим прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящее. Он станет равнодушным ко всему, отупеет и в конце концов превратится в стадо скотов. Что и требуется! Что и требуется! <...> – Вот так, уважаемый... – Я, Пётр Петрович, приоткрыл тебе лишь уголок занавеса, и ты увидел лишь крохотный кусочек сцены, на которой эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия о гибели самого непокорного на земле народа, об окончательном, необратимом угасании его самосознания... Конечно, для этого придётся много поработать* [Иванов 2014: 355–358]. Известна связь приведённого, по сути, монолога с загадкой «плана» / «директивы» / Даллеса. Не подвергается сомнению соответствие и мифического документа общей направленности политики США и Великобритании по отношению к поствоенному Советскому Союзу, получившей выражение и в художественных произведениях А.С. Иванова (1976) и Ю. Дольд-Михайлика (1964) [План Даллеса... URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/План_Даллеса].

Один из ключевых терминов лингвистики ИПВ – **мишень**. В согласии с основоположниками направления понимаем **объект ИПВ** как «сознание тех или того, на кого направлено речевое воздействие с целью его изменения, а **мишень** – понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке» [Лингвистика... 2017: 23]. Опыт исследования ряда персональных дискурсивных практик показал, что набор **мишеней ИПВ**

варьирует в зависимости от идеологических установок, идиостиля и авторских интенций, от сюжета произведения. Систематизация мишеней осложнена тремя обстоятельствами: разноплановостью текстов в сюжетно-содержательном плане; разным объёмом персональных дискурсивных практик; разновесомостью отдельных мишеней в качественном и количественном (пространственном) отношении в авторских текстах. Например, «воровство / вороватость / нечестность», подаваемые как ментальная черта русскости, в дискурсе Л.Е. Улицкой закреплена и повтором, и отсылкой к пусть и не идентифицированному философу. А в повести Е.Г. Водолазкина это всего лишь мелкий эпизод: у гостя-туриста из Германии в России украли кошелек. Мы считаем количественный принцип в подобных случаях, исходя из принятых условий отбора материала, незначимым. С другой стороны, признаём, что в таких случаях «25-го кадра» та или иная мишень могла остаться вне поля внимания. Далее будет предпринята попытка суммировать мишени в исследованных текстах А.А. Зиновьева, Д.Л. Быкова, М.П. Шишкина, В. Бенигсена, Е.Г. Водолазкина (роман и повесть), Л.Е. Улицкой (суммарно).

Таблица.

МИШЕНИ	Зиновьев	Быков	Шишкин	Улицкая	Бенигсен	Водолазкин (Соловьев и Ларионов)	Водолазкин (Близкие)
Ментальность	*	*	*	*	*	*	*
Государство		*		*			
Государственные символы				*			
Страна		*	*	*	*	*	*
Народ	*	*	*	*	*		
Советская власть и СССР	*		*	*	*	*	*
Власть современная	*	*		*			
Руководители государства	*	*		*	*		
Внешняя политика	*	*	*	*		*	*
Революция				*		*	*
Исторические личности		*	*	*		*	*
Национальная политика		*	*	*	*		
Культура	*	*		*	*		
Искусство		*		*	*		
Уровень жизни				*	*	*	*
Итоги Великой отечественной войны	*	*		*	*	*	*
Православие	*	*		*			
Коллективная идеология				*	*	*	
Достижения страны				*		*	
История страны	*	*		*			
Русские писатели		*	*				
Коррупция			*			*	*
Правоохранительная система		*		*	*	*	
Наука, образование	*					*	*

Первое место в таблице (представлена во всех дискурсивных практиках) заняла мишень «ментальность» (лень, пьянство, субстанциональная и нравственная нечистоплотность). На втором месте *страна; советская власть и СССР; внешняя политика; характер и итоги ВОВ*. Третье место (в пяти текстах) – *исторические личности, народ*. Внешняя политика во всех шести случаях

представлена свойством *агрессивность*. В нашем списке есть мишени, общие с данными по анализу ИПВ на материале газетной публицистики, конкретно, газеты «Завтра». Это *внешняя и внутренняя политика; властная вертикаль во главе с Президентом В.В. Путиным; русская православная церковь; российская правоохранительная система* [Сковородников, Королькова 2015]. Ранее указывалось, что для достижения объективности выводов в анализе учитывались и нехудожественные факты, связанные с творчеством того или иного автора. Очевидно, характер мишеней, представленных в таблице, не оставляет сомнений в их прямой корреляции с актуальными проблемами страны, её болевыми точками и, соответственно, является самодостаточным обоснованием признания того факта, что подвергнутые анализу художественные тексты относятся к дискурсу ИПВ.

Отсюда следует, что художественная литература при наличии ряда факторов способна участвовать в реализации дискурса ИПВ, следовательно, использоваться в качестве одного из каналов ведения ИПВ. Как было выявлено ранее, это такие факторы, как принадлежность произведения к литературе, разорвавшей преемственную связь с традиционной, классической литературой духовно-нравственного толка; принадлежность автора к кругу получивших знаки общественного признания (гранты, государственные и международные премии, читательские конференции и т.д.), что способствует общественному резонансу; общественно-значимая тематика; субъективная модальность с единым, а именно негативным вектором оценочности. Однако наличие указанных условий ещё недостаточное основание признавать («клеить») того или иного автора / писателя актором / субъектом ИПВ. Как правило, речь должна идти о наличии в произведении дискурсивной практики с наличием признаков / симптомов дискурса ИПВ. Ранее указывались причины: отсутствие возможности предсказать масштаб читательской аудитории; наличие в произведении далеко не единственно «военной» авторской интенции; пространственно-временной разрыв между авторской рефлексией и читательской рецепцией; зависимость читательской рецепции от актуальной коммуникативной ситуации; отсутствие у автора надёжного инструмента отличия критики наблюдаемых общественных обстоятельств от ИПВ. Это не исключает потенциальной возможности перерастания признаков / симптомов в полноценную «войну». Такая (естественно, нежелательная) эволюция гипотетически может стать результатом сознательного использования того или иного произведения / произведений инициатором информационно-психологической обработки определённого контингента социума. В любом случае имеется в виду действие закона синергетического эффекта, объединяющего множество малых воздействий на объект системы, в нашем случае – сознание человеческих масс.

Литература

Бернацкая А.А. О некоторых приёмах реализации стратегии негативной оценочности в области научного дискурса // Язык и социальная динамика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. смеж. уч. участием (24–25 мая 2013, Красноярск): в 2 ч. Ч. I / отв. ред. А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2013. С. 19–24.

Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2016. №2 (56). С.10–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionnaya-voyna-lingvisticheskiy-aspekt> (дата обращения: 26.06.2019).

Гаспарян Г.Р., Чернявская В.Е. Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №4 (041). С. 44–51.

Гельман А.И. – драматург, киносценарист, публицист, общественный и политический деятель [Электронный ресурс] // LIVEJOURNAL. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/tag/> Гельман (дата обращения: 26.06.2019).

Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности: историческая продвинутость и её вызовы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 312 с.

Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 239–320.

Детинко Ю.И., Куликова Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 168 с.

Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л.В. Куликовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 182 с.

Иванов А.С. Вечный зов: роман. В 2 т. М.: Вече, 2014. Т. 2. 624 с.

Информационная война [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 27.04.19).

Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность [Электронный ресурс] // Вестник Омского ун-та. 2011. № 4. С. 227–232. URL: <https://clck.ru/HzTUF> (дата обращения: 26.06.2019).

Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд. 2-е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.

Как работала советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/HzTUc> (дата обращения: 2.05.2019).

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

Коцюбинская Л.В. Метафора «информационная атака» как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 77–81. URL: <https://clck.ru/HzTUu> (дата обращения: 06.05.2019).

Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs. новые возможности: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 576 с.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.]; под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Новикова Е.В. Образ будущего в современной российской прозе // Филологические науки. 2018. №4. С. 51–58.

Пахалюк К. Что значит изучать политический дискурс? Некраткий обзор теорий и методов [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/24982> (дата обращения: 18.05.2018).

Пищальникова В.А. Текст и дискурс: к вопросу о содержании лингвистических понятий // Русский язык в школе и дома. 2008. №3. С. 60–66.

План Даллеса [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/План_Даллеса (дата обращения: 26.06.2019).

Приходько А.Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 22–29.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной жизни человека) / отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова; РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2011. 1032 с.

Сарна А.Я. Дискурсивные практики [Электронный ресурс]. URL: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/306. (дата обращения: 26.03. 2019).

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2016. 1 (55). С. 42–50. URL: <https://clck.ru/HzTVk> (дата обращения: 26.06.2019).

Сковородников А.П., Королькова Э.А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале

«Новой газеты»)[Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2015. №3 (53). С. 160–172. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20skovorodnikov.pdf>(датаобращения: 26.06.2019).

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006.136 с.

Чернявская В.Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. №1 (038). С. 54–61.

Ширяева Т.А. Язык как средство конструирования // Язык. Текст. Дискурс. Межвузовский научный альманах. Вып. 7. Ставрополь, 2009. С. 61–65.

References

Bernatskaya A.A. O nekotorykh priemakh realizatsii strategii negativnoy otsenochnosti v oblasti nauchnogo diskursa [On some techniques for implementing a negative assessment strategy in the field of scientific discourse]. *Yazyk i sotsial'naya dinamika [language and social dynamics]: materialy V seros. nauch.-prakt. konf. smezhdunar. uchastiem (24–25 maya 2013, Krasnoyarsk): v 2 ch. CH. I / otv. red. A.V. Mihajlov, T.V. Mihajlova.* Krasnoyarsk, Sib. gos. aerokosmich. un-t Publ., 2013, pp. 19–24.

Vasil'ev A.D., Podsokhin F.E. Informatsionnaya voyna: lingvisticheskiy aspekt [Information war: the linguistic aspect]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 2 (56), pp.10–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionnaya-voyna-lingvisticheskiy-aspekt>[accessed 26.06.2019].

Gasparyan G.R., Chernyavskaya V.E. Tekst kak diskursivnoe sobytie [Text as a discursive co-being]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2014, no 4 (041), pp. 44–51.

Gel'man A.I. – dramaturg, kinostsenarist, publitsist, obshchestvennyj i politicheskij deyatel' [Gelman A.I. – playwright, screenwriter, publicist, public and political figure]. Available at: <https://ed-glezin.livejournal.com/tag/Gel'man> [accessed 26.06.2019].

Grechko P.K. Ontometodologicheskij diskurs sovremennosti: istoricheskaya prodvinutost' i ee vyzovy [Onthomethodological discourse of modernity: Historical advancement and its challenges]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 312 p.

Dem'yankov V.Z. Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v kontse XX veka [Dominant linguistic theories at the end of the twentieth century]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka [Language and science of the late twentieth century]: sb. statej.* Moscow, Ros. gos. humanit. un-t Publ., 1995, pp. 239–320.

Detinko Yu.I., Kulikova L.V. Politicheskaya kommunikatsiya: opyt mul'timodal'nogoi kriticheskogo diskurs-analiza: monografiya [Political communication: the practice of multimodal and critical discourse analysis]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017. 168 p.

Diskursivnye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii: monografiya [Discursive practices of modern institutional communication] /otv. red. L.V. Kulikova. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2015. 182 p.

Ivanov A.S. Vechnyy zov: roman [Eternal call: novel]. In 2 vol. Moscow, Veche Publ., 2014, vol. 2. 624 p.

Informatsionnaya voyna [Information war]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki>[accessed 27.04.19].

Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' [Discursive practice as observable reality]. *Vestnik Omskogoun-ta*, 2011, no 4, pp. 227–232. Available at: <https://clck.ru/HzTUF> [accessed 26.06.2019].

Issers O.S. Diskursivnye praktiki nashego vremeni [Discursive practices of our time]. 2nd ed. Moscow, LENAND Publ., 2015. 272 p.

Kak rabotala sovetskaya propaganda v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [How did Soviet propaganda work during the Great Patriotic War]. Available at: <https://clck.ru/HzTUc>[accessed 2.05.2019].

Karasik V.I. Yazykovye klyuchi [Language keys]. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. 520 p.

Kotsyubinskaya L.V. Metafora "informatsionnaya ataka" kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya [Metaphor "information attack" as an object of linguistic research]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 5 (59), pp. 77–81. Available at: <https://clck.ru/HzTUu> [accessed 6.05.2019].

Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs. novye vozmozhnosti: monografiya [The crisis of literature-centrism. Identity loss vs. new opportunities] / otv. red. N.V. Kovtun. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2014. 576 p.

Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: monografiya. Kniga I [Linguistics of information psychological war. Book I] / A.A. Bernatskaya, I.V. Evseeva, A.V. Kolmogorova [et al.] / otv. red. prof. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t Publ., 2017. 340 p.

Novikova E.V. Obraz budushchego v sovremennoy rossiyskoy proze [The image of the future in modern Russian prose]. *Filologicheskie nauki*, 2018, no 4, pp. 51–58.

Pakhalyuk K. Chto znachit izuchat' politicheskii diskurs? Nekratkiy obzor teorii i metodov [What does studying political discourse mean? An informative review of theories and methods]. Available at: <http://gefter.ru/archive/24982> [accessed 18.05.2018].

Pishchal'nikova V.A. Tekst i diskurs: k voprosu o sodержani i lingvisticheskikh ponyatiy [Text and discourse: on the content of linguistic concepts]. *Russkiy yazyk v shkole i doma*, 2008, no 3, pp. 60–66.

Plan Dallesa [Dulles Plan]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Plan_Dallesa [accessed 26.06.2019].

Prikhod'ko A.N. Taksonomicheskie parametry diskursa [Taxonomic parameters of discourse]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Mezhvuzovskiy nauchnyy al'manakh* [Language. Text. Discourse. Interuniversity scientific almanac], Stavropol', 2009, issue 7, pp. 22–29.

Prokhorov Yu.E. Deystvitel'nost'. Tekst. Diskurs: ucheb. posobie [Reality. Text. Discourse]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 224 p.

Russkiy ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i chelovek v okruzhayushchem ego mire (80 kontseptov, otnosyashchikhsya k dukhovnoy, mental'noy material'noy zhizni cheloveka) [Russian ideographic dictionary: The world of man and man in the world around him (80 concepts relating to the spiritual, mental and material life of man)] / otv. red. N.Yu. Shvedova. Moscow, 2011. 1032 p.

Sarna A. Ya. Diskursivnye praktiki [Discursive practices]. Available at: https://sociology_encyclopedia.academic.ru/306 [accessed 26.03. 2019].

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information psychological war: to the rationale and definition of the concept]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 1 (55), pp. 42–50. Available at: <https://clck.ru/HzTVk> [accessed 26.06.2019].

Skovorodnikov A.P., Korol'kova E.A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») [Speech tactics and language means of the political information psychological war in Russia: ethical and pragmatic aspect (on the material of "Novaya gazeta")]. *Politicheskaya lingvistika*, 2015, no 3 (53), pp. 160–172. Available at: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/984/21%20skovorodnikov.pdf> [accessed 26.06.2019].

Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problem rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobie [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 136 p.

Chernyavskaya V.E. Fantomy i sindromy diskursivnoy paradigm [Phantoms and syndromes of the discursive paradigm]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2014, no 1 (038), pp. 54–61.

Shiryaeva T.A. Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya [Language as a means of construction]. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Mezhvuzovskiy nauchnyy al'manakh* [Language. Text. Discourse. Interuniversity scientific almanac], Stavropol', 2009, issue 7, pp. 61–65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бернацкая Ада Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации

Сибирский федеральный университет,

Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: bern1940@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Bernatskaya Ada Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and Speech Communication

Siberian Federal University,

79 Svobodny prospect, Krasnoyarsk 660041 Russia

E-mail: bern1940@mail.ru